

- ⁷ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного: Очерки соц.-экон. и полит. истории России середины XVI в. М., 1960. С. 148; *Копыцкий З. Ю., Копыцкий Б. З., Спиридонов М. Ф.* Рыночные связи крестьянского хозяйства... С. 213–220; *Лойка П. А.* Прыватнаўласніцкі сяляне Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI–XVIII ст. Мінск, 1991. С. 52–74.
- ⁸ *Пичета В. И.* Аграрная реформа... С. 62.
- ⁹ *Левко О. Н.* Торговые связи Витебска в X–XVIII вв. Минск., 1989. С. 50–51.
- ¹⁰ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 142; *Костомаров Н. И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 19; Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. док. и материалов: В 3 т. Минск, 1959. Т. 1: С древнейших времен до середины XVII в. С. 266.
- ¹¹ *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства... С. 53–56; LM. Кн. 224: (1522–1530). Vilnius, 1997. P. 23.
- ¹² Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. М., 1977. Т. 1. С. 105–115; АЛРГ. М., 1899. Вып. 1: (1390–1529 г.). С. 180; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внеш. жизнью государства. М., 1900. С. 226–230; *Левко О. Н.* Торговые связи Витебска... С. 43–58; *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода... С. 151–170.
- ¹³ *Левко О. Н.* Торговые связи Витебска... С. 272; *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства... С. 52–56.
- ¹⁴ LM. Кн. 224. P. 73.
- ¹⁵ АЛРГ. Вып. 1. С. 209.
- ¹⁶ АВК. Т. 33. С. 117, 194–195.
- ¹⁷ АЗР. СПб., 1848. Т. 3: 1544–1587. С. 118–121, 138–139; Законодательные акты Великого княжества Литовского XV–XVI вв.: Сб. материалов. Л., 1936. С. 94–99, 108–119; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. С. 517–543, 551–582, 592, 599, 606, 639; РИБ. Т. 30: Литовская метрика. Юрьев, 1914. С. 271–272, 334–336, 356–357, 371–372.
- ¹⁸ РИБ. Т. 30. С. 510.
- ¹⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1887. Т. 2: (1533–1560 г.). С. 512.
- ²⁰ РИБ. Т. 30. С. 196, 207–208, 268, 370, 477.
- ²¹ *Пичета В. И.* Аграрная реформа... С. 74, 75–76.
- ²² АЗР. Т. 3. С. 28–29; РИБ. Т. 30. С. 174; *Скарына Ф.* Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія. Мінск, 1990. С. 122; Русско-еврейский архив: Док. и материалы для истории евреев в России. СПб., 1882. Т. 1: Док. и регесты к истории литов. евреев (1388–1550). С. 135–137; LM. Кн. 224. P. 68–69.
- ²³ РИБ. Т. 30. С. 282.
- ²⁴ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Т. 1. С. 477; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1916. Кн. 21. С. 285.
- ²⁵ *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм... С. 371–372.
- ²⁶ РИБ. Т. 30. С. 271; *Лойка П. О.* Феодальная рента в частновладельческих поместьях Белоруссии во второй половине XVI — XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1984. С. 13–14.
- ²⁷ Документы Московского архива Министерства юстиции. М., 1897. Т. 1. С. 153.
- ²⁸ АВК. Т. 24. С. 276.
- ²⁹ *Мелешко В. И.* Торговые связи Могилева... С. 198.
- ³⁰ РИБ. Т. 30. С. 234–235.
- ³¹ *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: (Исслед. по истории соц.-экон., полит. и культур. развития). М, 1961. С. 636.
- ³² РИБ. Т. 30. С. 286.
- ³³ *Грицкевич А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв.: (Соц.-экон. исслед. истории городов). Минск, 1975. С. 30.
- ³⁴ *Пичета В. И.* Аграрная реформа... С. 79–80.
- ³⁵ РИБ. Т. 30. С. 344–345, 371–372, 474.

А. Ю. Савосичев

ПРИКАЗНАЯ БЮРОКРАТИЯ И КУПЕЧЕСТВО В РОССИИ XVI в.

Приказная бюрократия XVI столетия, являясь достаточно обособленным слоем профессиональных управленцев, была весьма неоднородна в социальном отношении. Ядро корпуса дьяков и подьячих составляли выходцы из рядов служилого сословия. Почти все они были представителями фамилий провинциальных детей боярских средней руки. Родственники дьяков и подьячих (да и сами они зачастую) служили с городом или в рядовом составе Государева двора (почти исключительно по выбору). В то же время на приказной работе было достаточно выходцев и из других сословий. Для способных людей из, так сказать, демократических слоев населения служба в дьяках и подьячих представляла одну из возможностей для повышения социального статуса.

Специфика наших источников такова, что выявить в среде дьяков и подьячих выходцев из дворянства гораздо проще, чем представителей других социальных групп. Большинство последних при анализе попадает в категорию лиц, чье сословное происхождение не поддается определению. Только в относительно небольшом количестве случаев удается указать конкретные социальные связи. Так, из 62 дьяков Ивана III только троих можно уверенно назвать выходцами из непривилегированных сословий. Среди 92 дьяков Василия III таковых шестеро. Подьячих «из простого всенародст-

ва» было больше: 8 из 50 и 10 из 80 соответственно. Все это выдвиженцы из рядов духовенства, слуг-министериалов, слуг под дворскими, мелких неслужилых вотчинников.

Выходцев из купечества можно выявить в среде дьяков (и только дьяков) начиная с XVI в. Их относительно немного — только четверо. Один из дьяков великого князя Василия Ивановича и трое из более чем трехсот дьяков Ивана Грозного. Все они происходили из двух старинных купеческих фамилий: Сырковых и Таракановых.

Родоначальником Сырковых был Иван Сырков, строитель церквей и кредитор ряда влиятельных людей¹. Его стараниями была возведена каменная церковь Жен Мироносиц на Ярославовом дворе в Новгороде². Около 1481 г. в духовной князя Андрея Васильевича Вологодского упоминается долг брата великого князя Ивану Сыркову более чем в 80 руб.³ В числе должников купца был также Иван Михайлович Плещеев⁴.

У Ивана Сыркова было двое сыновей: Афанасий и Дмитрий. Оба они пошли по стопам отца. Список Никольского Новгородской IV летописи упоминает братьев как соработников отца при строительстве вышеупомянутой церкви⁵. В 1515 г. Дмитрий был нарядчиком при строительстве храма Успения Богородицы в Тихвине. В апреле 1524 г. он руководил работами по ремонту церкви св. Параскевы Пятницы на Торговой стороне Новгорода. Летописец именует Дмитрия московским гостем. В 1528/29 г. он же строил храм св. Прокопия в той же части города⁶. Дмитрий Иванович был нарядчиком при строительстве каменной церкви св. Николая на владычном дворе в августе 1532 г.⁷ Осенью 1536 г. московский гость Дмитрий Сырков руководил заменой деревянного «верха» к храму св. Варлаама на каменный⁸. В 1542/43 г. за братьями числилось небольшое поместье (примерно по две обжи на каждого) в Островском погосте Деревской пятины⁹.

О потомстве Афанасия Ивановича Сыркова ничего не известно, а его брат оставил после себя двоих сыновей — Алексея и Федора. Оба они продолжили семейную традицию. Алексей известен как новгородский купеческий староста. 3 марта 1556 г. местные дьяки получили из столицы указную грамоту с предписанием отстранить от должности ямского дьяка Алабыша Колобова Перепечина за держание корчмы. Вина приказного деятеля усугублялась сопротивлением большому старосте Алексею Сыркову, пытавшемуся пресечь нарушение закона¹⁰.

Осенью 1537 г. в Новгороде был построен придел к церкви св. Жен Мироносиц, освященный в честь Сретения Господня. Работами руководил Федор Дмитриевич Сырков, сын гостя московского¹¹. Таким образом, начало карьеры будущего приказного деятеля ничем не отличалось от жизненного пути отца, деда и других родственников. В 1550/51 г. Федор впервые упоминается как дьяк¹². Судя по всему, сам факт пожалования гостя в дьяки относится именно к этому году. Деятельность новгородской приказной избы сравнительно хорошо документирована. Дьяки упоминаются здесь практически ежегодно. Так что можно с достаточной долей уверенности считать, что дата первого упоминания того или иного дьяка в Новгороде совпадает с датой назначения его на должность.

Вся дьяческая служба Федора Дмитриевича Сыркова с 1550/51 по 1559/60 гг. была связана только с Новгородом. В 1550-е гг. здесь служило одновременно до 6 дьяков. 1–2 дьяка именовались дворцовыми и относились к ведомству новгородского дворецкого. Один дьяк был ямским. В его ведении было оформление владельческих документов на холопов. Оставшиеся 2–3 дьяка занимались, судя по всему, теми делами, которые находились в компетенции новгородских воевод. Федор Сырков относился именно к этой последней категории дьяков. В период своей приказной работы он сотрудничал с Казарином Дубровским и Дмитрием Фомичом Гориним. Главной их задачей был разбор потока указных грамот и наказов, шедших в Новгород из столичных ведомств, обеспечение исполнения тех управленческих решений, которые содержались в этих грамотах.

Определенное представление о характере работы новгородских дьяков дают материалы записной книги государевых грамот 1554–1556 гг. В ней содержатся копии с 234 указных, поступивших из Москвы в Новгород за два с небольшим года. Большая часть из них (около 150) опубликована¹³. 52 из полутора сотен грамот адресованы Федору Дмитриевичу Сыркову и Казарину Юрьевичу Дубровскому. Иногда в качестве дополнительных адресатов в указных упоминаются новгородский наместник кн. Дмитрий Федорович Палецкий (18 документов), новгородский дворецкий Семен Васильевич Шереметев (1) и местный дворцовый дьяк Афанасий Михайлович Бабкин (1).

Большая часть анализируемых нами указных грамот посвящена проблемам землеустройства новгородских помещиков¹⁴. Распоряжения центральной власти были ответами на многочисленные челобитные местных детей боярских о пожаловании поместьями, придачах к уже имеющимся именьям, о выделении отдельных дач из общих владений, о юридическом закреплении сделок с поместьями (в основном обменов). Новгородские дьяки должны были на месте организовать все земельные перемены. На них же возлагалась обязанность проверки владельческих прав местных помещиков¹⁵.

Вопросы земельного обеспечения новгородских помещиков были тесно связаны с их службой. Но только четыре из рассматриваемых нами указных грамот затрагивают данные проблемы. Один документ предписывает отправить в отставку двоих детей боярских, записав в службу их сына и внука¹⁶. Еще две грамоты поручали дьякам организовать отправку на службу новгородских помещиков и земцев¹⁷. Оба указа были связаны с начавшейся войной со Швецией. Еще в одном случае Чудин Митрофанов, Федор Сырков и Дмитрий Горин конфисковали поместье у нетчиков братьев Юрия и Тимофея Баташевых Олтуфьевых, не явившихся для участия в походе под Казань зимой 1553/54 г.¹⁸

Судя по данным источников, местные дьяки заведывали движением всего земельного фонда в Новгороде и пятинах. В писцовых книгах есть ряд указаний на то, что Федор Сырков и Казарин Дубровский наделяли земельными дачами церкви и монастыри¹⁹. Ввозные грамоты новгородским землевладельцам выдавались теми же должностными лицами²⁰.

Существенная доля указов, направленных на имя новгородских дьяков, была посвящена разного рода судебным тяжбам²¹. Споры, возникавшие в среде новгородцев и требовавшие вмешательства властей, были разнообразны. Это поземельные и другие имущественные дела, конфликты между кредиторами и должниками, связанные со злоупотреблениями при займах, разбирательства господ с беглыми холопами, обвинения третейских судей в пристрастности при осуществлении правосудия, уголовные дела (нередко бывшие атрибутом поземельных споров) и дела, связанные с должностными преступлениями. На дьяков и новгородского наместника возлагалась задача организации соответствующих судебных разбирательств.

Ведая судом, вышеупомянутые должностные лица ведали и системой наказаний за проступки. Федору Сыркову, Казарину Дубровскому и кн. Дмитрию Палецкому было адресовано несколько грамот, касавшихся содержания тюремных сидельцев: об их освобождении, перемещении, расследовании фактов смерти²². Две указных предписывали исполнить царское повеление о снятии опалы с кн. Ивана Буйносова²³.

Много поручений, адресовавшихся новгородским дьякам из столицы, касались финансовых вопросов²⁴. Это предписания об отправке по назначению разного рода налогов и сборов, об организации сбора налогов и исправлении ее нарушений, об обеспечении денежного содержания местных должностных лиц. Одна из грамот, анализируемых нами, была посвящена организации торговли: новгородским дьякам предписывалось не пропускать в Нарву торговых людей, не имеющих соответствующих документов²⁵.

Правильное ведение финансовых дел невозможно без наличия соответствующего налогового кадастра. Основную роль, безусловно, играли писцовые книги, составлявшиеся писцами, присланными из столицы. Но в то же время существовали переписи налогооблагаемых статей, созданные непосредственно в Новгороде, так сказать местными силами. 20 декабря 1586 г. Духов монастырь получил жалованную грамоту на постройку соляной варницы в Старой Руссе. Варница должна была быть возведена на прежнем варничном месте, зафиксированном «по Федорову письму Сыркову»²⁶.

Судя по интитуляции указных грамот, большую часть царских повелений новгородские дьяки должны были исполнять единолично. Только в тех случаях, когда необходимо было организовать судебное разбирательство, обязательным адресатом указных был и наместник.

В нашем распоряжении относительно немного документов, которые позволяют судить о том, каков был механизм реализации государевых указных грамот новгородскими дьяками. Федор Сырков, Казарин Дубровский и Дмитрий Горин были должностными лицами достаточно высокого ранга. Их функция была преимущественно организаторской. В роли непосредственных исполнителей выступали подьячие, рассыльщики, губные старосты и другие чины местного управления. На основании царского указа новгородские дьяки составляли собственные наказы и доводили их до сведения исполнителей. Так, в 1550/51–1551/52 гг. писцовые работы в Бежецкой пятине велись «по цареве и государеве и великого князя Ивана Васильевича всея Руси грамоте и по записи» новгородского дворецкого и дьяков²⁷.

Какие-то, скорее всего, наиболее важные дела новгородские дьяки делали непосредственно сами. Это, прежде всего, отправление правосудия. Так, 6 января 1554 г. доводчик ямгородского наместника Григория Никитича Сукина Максим доложил кн. Дмитрию Федоровичу Палецкому и дьякам Федору Сыркову и Казарину Дубровскому судный список суда тиуна Слота Иванова. Слота Иванов разбирал спор Василия Федоровича Кобылина и Якова Борисовича Тиркова о подстрекательстве холопов к побегу и сносу. Окончательный вердикт по делу был вынесен новгородским наместником и дьяками. Интересна подпись на правой дьяка кн. Дмитрия Василия Долматова²⁸. Эта пометка свиде-

тельствует о существовании у наместника своей собственной канцелярии, отдельной от аппарата новгородской приказной избы.

Некоторые аспекты деятельности Федора Дмитриевича Сыркова на посту новгородского дьяка были сходны с тем, чем он занимался, будучи московским гостем. Это, прежде всего, церковное строительство. В указной грамоте от 9 февраля 1556 г. упоминается камень, заготовленный дьяком для строительства церковного помоста²⁹. В 1559/60 г. по царскому указу Федору Сыркову было поручено учреждение общежительного монастыря на месте Пречистинского Тихвинского погоста в Обо-нежской пятине. Под руководством дьяка было расчищено место близ погостской церкви Успения Богородицы: все дворы церковного причта и посадских людей с их лавками были перенесены на другие места, дальше от храма. На обже земли, бывшей ранее за тихвинскими попами, была построена деревянная церковь Преображения³⁰.

О какой-либо деятельности Федора Дмитриевича Сыркова после 1559/60 г. сведений найти не удалось. В 1570 г. братья Федор и Алексей погибли во время опричного разгрома Новгорода³¹.

Таракановы были более многочисленной фамилией. Они вели свой род от московского купца Таракана, известного тем, что он в 1470/71 г. построил каменные хоромы в Кремле близ Фроловских ворот³². У Таракана был сын Федор и трое внуков: Никита, Никифор и Илья³³. Из Таракановых произошли трое дьяков великого князя Василия Ивановича, царей Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова и Василия Шуйского.

Владимир Никитич Тараканов был сыном Никиты Федоровича, о котором выше уже говорилось. Вся его известная служба была связана с посольскими делами. В марте 1518 г. в Москву прибыл посол Тевтонского ордена Дитрих Шонберг. Основным предметом переговоров была денежная помощь со стороны России для ведения войны Ордена с Польшей³⁴. 16 апреля дьяки Владимир Никитич Тараканов, Алексей Лукин и Некрас Харламов обсуждали с дипломатом вопрос о размере денежных средств для найма солдат³⁵. В августе 1522 — июне 1524 г. дьяк участвовал в мероприятиях, связанных с двумя приездами в Россию турецкого посла Скиндера. Роль Владимира Никитича Тараканова была здесь скорее церемониальной, чем дипломатической. Во время дипломатических аудиенций в великокняжеском дворце дьяк был одним из придворных, участвовавших в торжественной встрече посла (стоял вместе с другими на одной из дворцовых лестниц). Во время обоих приездов дипломата в столицу Владимир Тараканов официально передавал Скиндеру подарки великого князя Василия III³⁶. Из сведений посольских книг мы явственно видим, что почти все участие Владимира Никитича в дипломатических делах имело финансовый подтекст: денежная помощь союзникам, подарки послам.

Петр Васильевич Тараканов был внуком Никиты Федоровича, а Владимиру Никитичу приходился племянником. О его службе в дьяках известно только по записи в Дворовой тетради³⁷.

Василий Матвеевич Тараканов Владимиру Никитичу приходился внуком, а Петру Васильевичу двоюродным племянником. Впервые как дьяк Василий упоминается в боярском списке 1588–1589 г.³⁸ Впоследствии он был записан как дьяк в боярском списке 1598/99 г. и в росписи русского войска 1604 г.³⁹ В 1598 г. Василий Тараканов поставил свою подпись под соборным приговором об избрании на царство Бориса Годунова⁴⁰. Конкретных служебных назначений нашего героя известно немного. Зимой 1589/90 г. он принял участие в походе русской армии под Нарву, будучи одним из дьяков в царской свите⁴¹. В 1597/98 г. Василий Матвеевич Тараканов и Дружина Петелин служили на Казенном дворе⁴². В мае 1607 г. приказной деятель был в походе царя Василия под Тулу. В разряде он записан как дьяк с казной⁴³. Таким образом, в дьяческой службе Василия Матвеевича Тараканова мы видим ту же финансовую специфику, что и в деятельности его деда Владимира Никитича.

Какие выводы можно сделать из проанализированного материала? Во-первых, следует отметить относительную замкнутость торгового сословия. По крайней мере, его верхушка — гости — прочно держались своего социального слоя и неохотно переходили к каким-либо иным занятиям. Дьяки в XVI столетии практически на треть рекрутировались из податных, неслужилых сословий. В то же время мы видим за все столетие в рядах дьячества только четверых бывших гостей. Во-вторых, перейдя на приказную работу, торговые люди продолжали заниматься привычной для них деятельностью, связанной с торговлей и финансами.

Примечания

¹ Варенцов В. А. Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв.: Учеб. пособие по спецкурсу. Вологда, 1989. С. 84.

² Голикова Н. Б. Образование сословной корпорации гостей и ее состав в XVI веке // АРИ. М., 1995. Вып. 6. С. 14.

³ ДДГ. М.; Л., 1950. С. 381. № 74.

- ⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 499.
- ⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. С. 612.
- ⁶ Там же. С. 540, 541, 547.
- ⁷ Там же. С. 550.
- ⁸ Там же. С. 573.
- ⁹ ПКНЗ. М., 2004. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. С. 440.
- ¹⁰ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 103; *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода... С. 89.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 578.
- ¹² *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт ист. исслед.. М.; СПб., 2007. С. 6.
- ¹³ Там же. С. 246–247.
- ¹⁴ ДАИ. Т. 1. № 52/I–XIII, XVIII, XIX, XXXVIII, XXXIX.
- ¹⁵ Там же. № 57, 59.
- ¹⁶ Там же. № 47/I.
- ¹⁷ Там же. № 50, 65.
- ¹⁸ Там же. № 52/XXV.
- ¹⁹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 154; ПКНЗ. Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. СПб., 1999. С. 110.
- ²⁰ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 2008. Т. 4. № 214, 299, 400.
- ²¹ ДАИ. Т. 1. № 51/I–XII, XIV, XV, XVII.
- ²² Там же. № 51/XIII, 63.
- ²³ Там же. № 61/I, II.
- ²⁴ Там же. № 49, 51/XIII, 53–56, 58, 60, 64, 74, 94, 104.
- ²⁵ Там же. № 61.
- ²⁶ *Анкудинов И. Ю., Баранов К. В.* Акты Новгородского Духова монастыря 1574–1595 гг. № 5 // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 348.
- ²⁷ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 6–7; *Корецкий В. И.* О земельных владениях Адашевых в XVI в. // Исторический архив. 1962. № 6. С. 124.
- ²⁸ РИБ. СПб., 1898. Т. 17. Стб. 191–192.
- ²⁹ ДАИ. Т. 1. № 96/I.
- ³⁰ ПКНЗ. Т. 2. С. 109.
- ³¹ Свод данных источников об этих событиях см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 371.
- ³² *Голикова Н. Б.* Образование сословной корпорации гостей... С. 16.
- ³³ *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода... С. 84–85.
- ³⁴ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени: (Очерки полит. истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 187–188.
- ³⁵ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 53. С. 56.
- ³⁶ Документы Архива Министерства иностранных дел в Москве. Из книги «Турецкие дела № 1» // *Дунаев Б. И.* Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке: Ист. исслед. с прил. текстов дипломат. сношений России с Турцией в начале XVI ст. по док. Моск. архива М-ва иностр. дел. М., 1916. С. 36, 39–41, 72.
- ³⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 115.
- ³⁸ *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 205.
- ³⁹ Там же. С. 251, 400.
- ⁴⁰ ААЭ. СПб., 1836. Т. 2: 1598–1613. № 7.
- ⁴¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 413.
- ⁴² ДАИ. Т. 1. № 157.
- ⁴³ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 87.

М. В. Мусеев

РУССКО-НОГАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ В XVI СТОЛЕТИИ

Русско-ногайские торговые отношения имеют достаточно развитую историографию. Уже начиная с Н. М. Карамзина, история взаимоотношений России и Ногайской Орды рассматривается через призму экономических сюжетов. По мнению многих историков XIX — начала XX в., русско-ногайские связи определялись их экономической составляющей¹. Вместе с тем, сама торговля рассматривалась недостаточно внимательно. Постепенно эти недостатки начали преодолеваются. С. В. Бахрушин отмечал начало русско-ногайской торговли при великом князе Василии III². Более детально эти вопросы рассмотрела М. В. Фехнер. Исследовательница определила содержание ввоза и вывоза Ногайской Орды, установила пути сообщения между Россией и ногаями и пришла к выводу о значительной роли торговли в отношениях России и восточных стран, в частности Ногайской Орды³.

На долгое время наблюдения М. В. Фехнер стали определяющими, но развитие исторической науки потребовало большей детализации русско-ногайской торговли. В результате в 1991 г. появилась работа Д. С. Кидирниязова, посвященная экономическим сюжетам русско-ногайских отношений. Впрочем, данное исследование имеет слишком общий характер и изобилует фактическими ошибками⁴.